

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ.

№ 24 (1447).

Ревель. Пятница, 30 января 1925 г.

Цѣна 10 марокъ.

ЧЕХОВЪ.

О Чеховѣ русскому журналисту можно и должно вспоминать и безъ всякихъ юбилейныхъ поводовъ и календарныхъ сроковъ.

Сегодня, въ день св. Антонія знаменитому писателю исполнилось бы 65 лѣтъ отъ роду. Ровно 21 годъ тому назадъ юбиляра-именинника триумфально чествовала вся Москва на первомъ представленіи „Вишневаго сада“ въ Художественномъ Театрѣ. Послѣ этого великолѣпнаго, красиваго праздника, первого и послѣдняго въ жизни скромнѣйшаго Антона Павловича, слѣдующимъ чеховскимъ торжествомъ были уже черезъ полгода его трогательныя несравненныя похороны...

Чеховъ олицетворяетъ собой широчайшую общественно-психологическую полосу русской жизни, еще далеко неизжитую и не преодоленную. Было бы большою ошибкой видѣть въ этой знаменательной полосѣ только одинъ унылый цвѣтъ сѣраго безвременья. Она представляетъ собой въ дѣйствительности цѣлый радужный спектръ, донынѣ переживающійся своими многоцвѣтными лучами.

Прошло двадцать съ половиною лѣтъ съ того дня, какъ ушелъ Чеховъ за гравъ земного кругозора. Образовалась уже по отношенію къ нему историческая перспектива. Наступила пора для суда надъ его судьбами. Литературная Немезида творить переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и кассируетъ безпощадно самые сильные приговоры.

Когда юный Чеховъ робко и неуверенно вступалъ въ ряды мастеровъ беллетристическаго цеха, маститый критикъ А. М. Скабичевскій въ концѣ „уничтожающаго“ разбора его рассказовъ убѣжденно напроорочилъ, что такой писатель „умретъ подъ заборомъ“. Точно по ироніи судьбы на долю Чехова, умершаго въ почетъ и достаткѣ и горячо оплаканнаго русскимъ обществомъ, выпала рѣдкая посмертная слава, его же дальновидный критикъ закончилъ свои безвѣстныя дни, существуя на крохотную пенсію отъ Литературнаго фонда.

Интересъ къ богатому писательскому наслѣдію Чехова возрастаетъ статистически съ каждымъ годомъ. Пьесы его не сходятъ съ репертуара. Издаваемая

письма Антона Павловича читаются и перечитываются такъ бережно и такъ любовно, какъ будто съ ихъ сокращенныхъ и вѣтвистыхъ страницъ вѣетъ нѣжный ароматъ его кристальной души.

Антонъ Павловичъ былъ замѣчательно цѣльнымъ и гармонически послѣдовательнымъ философскимъ характеромъ. Его исключительная обаятельная личность является лучшимъ нагляднымъ ороверженіемъ той глупой и грубой метафизики марксизма, которой большевики успѣли уже до смертельной тошноты обкормить поработенную Россію: сынъ бѣднаго таганрогскаго лавочника, Чеховъ, точно наперекоръ всѣмъ прописнымъ догматамъ матеріалистическаго вѣроученія, воспиталъ въ себѣ съ юности рѣдчайшій духовный аристократизмъ и безвозвратно восторжествовалъ надъ всѣми соблазнами торгашескаго прозы. Прониновенный знатокъ човѣческаго сердца увидѣлъ истинный корень добровольнаго рабства въ подпоивѣ не экономической, а въ личностно-нравственной, интимно-задушевной...

Чеховъ былъ удивительно прямой и искренній човѣкъ, но не бѣлмораморный праведникъ и не отвлеченный мудрецъ на подобіе философовъ классическаго міра. Онъ былъ писатель исключительныхъ дарованій, не имѣвшій себѣ равнаго въ имѣ самимъ созданнымъ жанрѣ, но при всемъ томъ — сынъ своей семьи, своего сословія и своего времени.

Каждый большой творческій талантъ, прокладывающій нозю дорогу въ области искусства, не только властно воздѣйствуетъ на окружающую его общественную стихію, но и самъ, неминуемо питаясь изъ нея, волей-неволей отражаетъ въ многогранной призмѣ своего царственнаго духа не только свѣтъ этой стихіи, но и ея тѣни. Генія зовутъ обыкновенно загадочнымъ пришельцемъ изъ міра иного, вѣстникомъ земли обѣтованной, въ долѣннѣмъ мірѣ „не жильцомъ“, а вдаль стремящимся прохожимъ. Гевій несетъ съ собой нечто таинственное и чудесное, что совершенно не объясняется условіями вскрывшей его среды. Въ отличіе отъ Толстого и Достоевскаго Чеховъ былъ не гевій, но лишь большой талантъ — однако, какъ немногіе другіе, родной и близкій національному духу.

Самая прочность общественныхъ симпатій къ Чехову, самая живучесть имѣ

созданныхъ настроеній говоритъ, несомнѣнно, о глубокомъ неразрывномъ сродствѣ чеховскаго таланта съ психологической сердцевиной русской интеллигенции. Причудливый зигзагъ общественныхъ судебъ точно вновь привелъ насъ къ тому, что пережито двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Какъ будто вѣковое зло привычной лѣви и рабскаго безволія лишь переряжено въ новыя прозрачныя ризки. Если отдаться во власть того поверхностнаго пессимизма, отъ котораго Чеховъ предостерегалъ всею силою своей выстрадавшей нравственной вѣры, то покажется порою, что рѣшительно все осталось попрежнему.

Всѣ русскіе типы, осужденные художественнымъ приговоромъ Чехова, далеко не стали достояніемъ историческаго архива. Одинадцать лѣтъ тому назадъ я отмѣчалъ въ своемъ литературномъ дневникѣ такіе невеселые факты:

— Чеховская „Княгиня“ не только ѣздитъ по монастырямъ, но и ведетъ въ своемъ салонѣ искательную бесѣду съ вліятельнѣйшимъ „старцемъ“. Камеръ-юнкеръ Георгій Ивановичъ Орловъ дослужился до гофмейстера и съ выраженіемъ прежней ироніи на лицѣ хладнокровно подписываетъ разъясняющія бумаги; отецъ его возвращенъ изъ почетной отставки на дѣйствительную службу и въ соответственныхъ случаяхъ является передъ законодательными собраніями твердостью власти. На мѣсто чеховскаго архіерея, похороненнаго, согласно предсмертному желанію, въ очередной братской могилѣ, рекомендованъ „старцемъ“ суровый владыка, читающій въ сердцахъ. Унтеръ Пришибѣевъ учитъ вмѣстѣ съ солдатомъ Егоромъ „потѣшныхъ“ военному искусству, и педагоги въ „футлярѣ“ гораздо лучше незадачливаго Бѣликова слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто не отзывался неуважительно о властяхъ. Въ символическомъ чеховскомъ „Оврагѣ“ разбогатѣвшіе обладатели хуторскихъ отрубовъ открыли союзническаго чайныя. Буркивъ говоритъ октябристскія рѣчи съ думской трибуны и родитъ во фракціонныхъ засѣданіяхъ гениальные проекты побѣдонесной борьбы съ оппозиціей, ничѣмъ неуступающіе его прежнимъ предложеніямъ ликвидаціи франко-германской войны при посредствѣ отравленныхъ сабакъ. Предсѣдатель земской управы Протопоповъ открываетъ большой винокуренный заводъ, избранъ отъ правыхъ въ Государственный Совѣтъ и переезжаетъ съ собою въ Петербургъ Наталію Иванову Прозорову. Профессоръ А. В. Серебряковъ сдѣланъ попечителемъ учеб-

наго округа и учитъ съ высокими формами самодовольствомъ чудаковъ-радикаловъ настоящее дѣло дѣлать. Володя Маленькій написалъ диссертацию, въ тайны которой былъ посвященъ одинъ Володя Большой, получилъ по назначенію каведру исторіи всеобщей литературы и по временамъ приглашаетъ Софью Львовну въ отдѣльный кабинетъ. Вѣчный студентъ-бѣлоподкладочникъ Кишъ записался въ академики, посѣщаетъ лекціи назначенныхъ профессоровъ, и можно надѣяться, что сдастъ, наконецъ, благополучно выпускные экзамены. Панауровъ получилъ отличную синекуру по землеустройству и помнитъ попрежнему сладкіе труды Иваиха и Киприды...

Теперь исполнилось, благодаря большевизму, грустное пророчество Чехова, слѣдланное имъ устами Ярцева въ повѣсти „Три года“: „Москва, это — городъ, которому придется еще много страдать“. И не видно пока тѣхъ нравственныхъ завоеваній, которыя могли бы быть добыты этой слишкомъ дорогой цѣной.

Въ подавляющемъ цѣломъ чеховской художественной панорамы показаво безконечно много човѣческихъ мукъ, до сихъ поръ далеко неискупленныхъ и необъясненныхъ. Безбрежный океанъ людской скорби, отразившійся въ его задушевной лирической стихіи, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, покрывается лишь мертвой зыбью. Народнаго горя рѣченька бездонная струитъ въ него попрежнему свои неизбывныя родники слезъ.

Тысячи и тысячи рядовыхъ Гусевыхъ проладаютъ безъ вѣсти въ прожорливой пасти красноармейской акулы. При затянувшейся символической зимѣ холодно и голодно миллионамъ чеховскихъ „Мужиковъ“, покорно-безотвѣтныхъ въ своемъ добровольномъ рабствѣ. Забитая дѣтвора, которой „спать хочется“, хирѣетъ на городскихъ каторжныхъ работахъ или вымираетъ въ большевистскихъ пріютахъ „охраны материнства отъ младенчества“. Тысячи изгнанныхъ и безправныхъ, отверженныхъ и забытыхъ тоскуютъ на чужбинѣ непріютной по родинѣ болѣзненной, но незабвенной Москвѣ...

Теперь лакей Яковъ изъ „Вишневаго сада“ оказался коммунистомъ урожденнымъ и убѣжденнымъ и свирѣпствуетъ въ качествѣ предсѣдателя губернской чрезвычайки. Теперь безбожная и безстыдная горничная Поля, угрождавшая камеръ-юнкеру Орлову, состоитъ начальницей трудовой школы и наставляетъ подростковъ въ истинахъ совѣстнаго обученія. Матвѣй Савичъ изъ рассказа „Бабь“ состоитъ предсѣдателемъ сельскаго

исполкома и въ тѣсномъ союзѣ съ надежными селькорами широко поставилъ производство самогонной огравы. Теперь Самородовъ, „човѣкъ специальный“, организовалъ превосходно массовую выработку дензнаковъ и застраховалъ себя крупнѣйшими взятками отъ всякихъ милицейскихъ случайностей.

Когда теперь изрѣдка въ деревню Жуково привозятъ особю почитаемую икону Божіей Матери, все крестьянство, за исключениемъ единичныхъ хулигановъ-комсомольцевъ, бросается дружнымъ порывомъ къ міра холоднаго теплой Заступницѣ, у Нея прося защиты отъ убійственнаго совѣтскаго террора, отъ чудовищныхъ налоговъ, отъ страшной самогонной водки, отъ жуткаго неминуемаго голода.

Теперь въ безпросвѣтной тюрьмѣ ГПУ Иванъ Дмитріевичъ, имѣющій слишкомъ много объективныхъ основаній для неотвязныхъ кошмаровъ мавія преслѣдованія, прокидываетъ людоедовъ-чекистовъ и бросаетъ рѣзкое, досадливое слово резонеру-соглашателю. Въ свѣтлые промежутки бодрого сознанія больной-фантазеръ привѣтствуетъ риторически изъ-за большевистскихъ рѣшотокъ зарю грядущей свободы. Его не понимаютъ, его не слушаютъ товарищи по символической темницѣ. Саова лежитъ неподвижно и безмолвно мужикъ, опять равнодушный къ своему трагическому жребію. Попрежнему неумолимый чекистъ, надсмотрщикъ Никита, бьетъ обитателей палаты, охраняя „революционный“ порядокъ.

Чеховъ звалъ хорошо, что цвѣты повторяются каждую весну, а радости нѣтъ, что часто русскій герой, поднявшій подобно библейскому силачу Газскія ворота, чтобы огнести ихъ на вершину горы, быстро немощаетъ, утрачиваетъ молодой задоръ и боевую рѣшимость; онъ вналь, какъ богатъ старинный запасъ тѣхъ изворотливыхъ софизмовъ, которыми пытаются оправдать себя лѣнивые улавли безсмертной Обломовщины. Онъ показавъ въ незлобивомъ юмористическомъ шаржѣ, какъ русскій обыватель готовъ продать свое духовное первородство за... прозаическій крыжовникъ, отъ котораго можетъ оказаться недалеко и до гнилого картофеля совѣтскихъ пайковъ.

Чеховъ звалъ насквозь русскаго мякотѣлаго и пскладливаго човѣка, провидѣлъ истинную цѣну его декламационнымъ порывамъ, его рыцарству на часъ. Онъ звалъ и любилъ русскаго човѣка не въ праздничномъ нарядѣ героическаго торжества, а въ будничныхъ лохмотьяхъ

его слабобольи, невыдержанности и нравственнаго неряшества.

Обладатель чудеснаго „човѣческаго“ таланта — исключительнаго чутья къ сокровенному чужому страданію, Чеховъ терпѣливо и зорко читалъ въ сердцѣ тусклой посредственности людской ея горькую жизненную повѣсть. Човѣческая душа въ глазахъ Чехова — вѣжнѣй, трепетный и ломкій музыкальный инструментъ. Самозванные опекуны общественной свободы, со временемъ татарскаго ига до большевиковъ включительно, уродуютъ и насилуютъ этотъ чуткій и хрупкій живой инструментъ. Не какими-либо ухищреніями государственнаго искусства, не мудрыми мѣропріятіями уголовной политики, не лезуитскими приемами воспитательнаго гипноза достигается, по убѣжденію Чехова, этотъ возвратъ човѣка къ своему нравственному подлиннику. Только непринужденными эвергіями самозаконной воли можетъ и должно совершиться это возрожденіе хмураго и полурого существа...

Третье десятилѣтіе живетъ Россія безъ Чехова, безъ своего даровитѣйшаго, сострадающаго поэта.

Былъ страшный ураганъ и кошмарными содроганіями прошелъ по символическому „Вишневому саду“. Его росинки были каплями слезъ, были каплями крови. Остался помертвѣлый буреломъ, остались безжизненные листья, осталось много развѣянныхъ бѣлыхъ лепестковъ. Но остались и живые побѣги, таящіе въ себѣ, быть можетъ, неподатливую и побѣдную энергію.

Въ любимомъ, кажется еще юношескомъ, рассказѣ Чехова „Студентъ“ есть такіа чудесныя строки о драмѣ временнаго малодушія въ сердцѣ героя-апостола:

— Воображаю тихій-тихий, темный, темный садъ, и въ тишинѣ его едва слышатся глухія рыданія...

Это плакалъ Петръ, отрекшійся отъ Христа, убоявшійся сначала вѣнца мученическаго.

Антонъ Павловичъ, назѣрное, услышалъ бы теперь въ родномъ „Вишневомъ саду“, разрушенномъ и оскверненномъ, эти глухія рыданія и сказалъ бы съ грустною лаской, что это — стыдъ спасительный, что это — раскаяніе цѣлебное, что освобожденіе и очищеніе русской земли ранѣе или позже свершатся...

Валентинъ Сперанскій.